

В.П. МОСКВИН
(Волгоград)

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И КРИТЕРИИ ТЕКСТУАЛЬНОСТИ

Критически анализируется система критериев текстуальности, рассматривается отношение категории интертекстуальности к данной системе, уточняется определение текста.

Ключевые слова: *текст, речевой акт, критерии текстуальности, интертекстуальность.*

Одной из сложнейших, до сих пор не нашедших удовлетворительного решения проблем науки о языке является определение понятия «текст». Для того чтобы решить данную проблему, необходимо: 1) выявить, как того требует техника оппозитивного анализа, ближайшее родовое и ближайшие видовые понятия, соположимые с понятием текста; 2) с этой точки зрения рассмотреть, а возможно, и пересмотреть набор критериев текстуальности [см.: 4, с. 24–42], который, как известно, варьируется от автора к автору, от одной концепции к другой, что является дополнительным свидетельством таксономической неопределенности анализируемого нами понятия.

Если полагать, вслед за Д. Хаймсом, что основной единицей речи является речевое событие, которое может состоять из одного речевого акта, но часто включает несколько [14, с. 52], то простейшей единицей речевой коммуникации следует считать речевой акт (РА) – фразу, используемую с определенной целью: констатировать факт, дать обещание, сделать предупреждение, задать вопрос, ответить на вопрос, отдать приказ (*Стой!* или *Стой!*) и т. д. По нашим наблюдениям, РА может являться единицей:

1. Несамостоятельной – как звено монолога или диалога, например:

– *Стой!* – закричал он кучеру, по колена в снегу подбегая к карете.

– Чего надо? – отозвался кучер (*Л. Толстой. Два гусара*).

Устная директивная реплика адресанта *Стой!* вполне может быть замещена функционально эквивалентной ей надписью *STOP* на дорожном знаке. Подобного рода надписи (*Выход*) и знаки (*Р* ‘Парковка’) бывают функционально эквивалентны ответам на актуальные для данной конситуации вопросы (*Где выход? Где парковка?*).

2. Самостоятельной, как, например, РА, лежащие в основе пословицы, поговорки, скороговорки, загадки, некоторых эпитафий, дразнилки, моностиха.

Существует мнение, что текст способен состоять из одной фразы и даже одного слова. Думается, что статус текста приобретает лишь самостоятельный РА, вне зависимости от его протяженности. Если это так, то *текст* может быть определен как *любое самостоятельное словесное произведение*.

Невнимание к рассмотренной выше дихотомии приводит к отождествлению текста, в частности самостоятельного РА, либо с репликой (т. е. несамостоятельным РА), либо с ее функциональным эквивалентом. Так, Р. де Богранд и В. Дресслер пишут: «*STOP* – это текст, находящийся на дорожном знаке» [8, 1981, с. 142]; К. Уэйлз полагает, что «текст может состоять лишь из одного предложения или высказывания, как, например, надпись *Выход* или дорожный знак *STOP*» [22, с. 390.]; Г. Уиддусон трактует дорожный знак «Р» ‘Parking’ как «однословный текст» [24, с. 7]. В монографии В. Дресслера и Л. Барбарези читаем: «Дискурс может быть определен как ряд взаимосвязанных текстов. Размер текста не является критерием для его дефиниции, а значит он может варьировать от однословного восклицания до целой книги или от краткой реплики в разговоре до пространного высказывания и т.д. Разговор должен быть квалифицирован как дискурс, поскольку он состоит из двух или более взаимосвязанных *текстов* (*т. е. реплик*)(курсив наш. – В. М.)» [11, с. 6]. Такое приравнивание имеет характер длительной традиции, ср.: «ТЕКСТ. 1. Рассуждение или сочинение, к которым написаны примечания либо комментариев. 2. Стих или выдержка из Писания, которые пастырь избирает как предмет рассуждения. 3. Любая выдержка из Писания, используемая как довод для доказательства какой-л. до-

ктрины. 4. *Устар.* Евангелие» [23, с. 833]. К пессимистическому выводу о «принципиальной неопределенности понятия ‘текст’» [12, с. 136] ученых приводят не только неотделенность данного понятия от указанных выше смежных категорий, но и неясность категориального статуса признаков текста, относимых к разряду критериев текстуальности.

В качестве таких критериев называют письменную форму, завершенность, связность, наличие заголовка, «целенаправленности и прагматической установки» [1, с. 17] и др. Е. С. Кубрякова, рассмотрев названные критерии, отмечает: «Все выделенные здесь критериальные признаки текста (кроме последних) могут быть поставлены под сомнение и оспорены» [3, с. 72]. Эти и некоторые иные свойства текста целесообразно считать хотя и второстепенными по отношению к признаку ‘самостоятельность’, но тем не менее значимыми в классификационном отношении. Рассмотрим их с этой точки зрения.

1. *Письменная форма.* Получается, что до появления письменности текстов не было. Однако в ту отдаленную эпоху тексты *устного* народного творчества («Илиада» и «Одиссея», «Калевала» и др.) по определению существовали только в *устной* форме. С этой точки зрения более устойчивой представляется позиция ученых, полагающих, что «нельзя ограничивать идею грамотности печатаньем, а идею текста – письмом» [20, с. 4],

2. *Завершенность.* Представление о трехчастной схеме и обязательной завершенности текста восходит к античной риторике, в которой вступление (*exordium*), основная часть (*narratio*) и концовка (*conclusio*) входили в число необходимых структурных частей ораторской речи. Вместе с тем, еще В. М. Жирмунский отметил, что «одной художественной завершенностью еще не измеряются значительность и ценность поэтического произведения» [Жирмунский, 1977, с. 133]. В некоторых случаях действительно можно говорить об эстетике, поэтике и риторике «намеренной незавершенности», ср.:

8 ВОЗРАЖЕНИЙ СВЕТЕ ЛИТВАК

[Набросок]

- 1)
- 2)
- 3)
- 4)
- 5)
- 6)
- 7)
- 8)

Г. Лукомников

3. *Протяженность*, в частности *неодноразовость*: «Любой текст должен быть определен как последовательность предложений» [6, с. 123]. Подобные трактовки: а) не согласуются с фактом существования малых жанров; б) приводят к осмыслению любого предложения как некой абстрактной (виртуальной) единицы, отвлеченной от реального (актуального) текста, ср.: «Текст есть АКТУАЛЬНАЯ СИСТЕМА, тогда как предложения являются элементами ВИРТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ» [7, с. 11]. С этой точки зрения получается, что, к примеру, моностих как текст актуален, а как предложение – виртуален. Поскольку данное утверждение противоречит логическому закону исключенного третьего, целесообразнее полагать, что по своему объему текст может «совпадать как с предложением, так и с целой книгой» [10, с. 294].

4. *Когерентность* – смысловая согласованность (связность) частей, а значит наличие содержания, смысла и темы. Но все перечисленное трудно найти в текстах, написанных в техниках нонсенса, зауми и гротеска, например в небылицах и перевертышах. С учетом этого факта трудно принять: а) определение текста как «ограниченной последовательности языковых элементов, обладающей когерент-

ностью и определенной коммуникативной функцией» [9, с. 15]; б) постулат о том, что «смысловые элементы текста организованы в когерентное целое» [25, с. 363].

Сложно бывает определить содержание и тему лирического стихотворения, а следовательно, и дать ему название. Соответственно, дискуссионным становится и такой критерий текстуальности, как наличие заголовка.

5. Когезия, т. е. лексико-грамматическая связность. Вместе с тем, идея межфразовой когезии, которую специалисты, в частности М. Холлидей, кладут в основу определения текста, противопоставляя «текст и собрание несвязанных предложений» [13, с. 26], не может быть принята без трех существенных оговорок: а) данная идея неприложима к монофразовым текстам; б) текст может быть нарочито бессвязен, как, например, это пятистишие кубофутуриста Алексея Крученых, написанное в технике зауми:

*дыр бур щил
убещур
скуп
вы со бу
р л эз*

К этому произведению неприменимо понимание текста как «объединенной смысловой связью последовательности знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и целостность» [5, с. 507].

6. Информативность, т. е. наличие новой для адресата информации. Этот параметр выводит за пределы текстуальности учебные тексты и народные песни как неинформативные или общеизвестные. Тривиальность, неинформативность содержания текста бывает нарочитой:

Вот однажды один человек пошел на службу, да по дороге встретил другого человека, который, купив польский батон, направлялся к себе восвояси. Вот, собственно, и все.

Д. Хармс. Встреча

7. Принадлежность к определенному стилю и согласованность содержания с формой (стилем). Однако эти два требования нарушаются в бурлеске – конфликте между стилем текста и его темой.

8. Стереотипность – подчиненность определенной схеме, или, по Т.А. Ван Дейку, макроструктуре: «Только те последовательности предложений, которые имеют макроструктуру, могут быть обозначены как тексты» [25, с. 41]. Данное определение представляется уязвимым по двум причинам: а) оно неприложимо к монофразовым жанрам; б) тексты, написанные в инкогерентных стилях, не всегда подчиняются стереотипам.

9. Наличие интертекстуальных связей, ср.: текст «есть пермутация текстов, интер-текстуальность» [16, с. 12], т. е. «любой текст строится как мозаика цитаций» [17, с. 85]. Однако среди таких «высказываний прошлого и современности» («цитаций») следует различать два типа: а) ассоциативно живые, т. е. сопряженные хотя бы у части носителей языка с именами конкретных авторов и конкретными текстами (коммемораты, крылатые слова, афоризмы); б) ассоциативно мертвые, вошедшие в фонд «безымянной фразеологии»; в греко-латинской традиции такие выражения именуются *adespota* [греч. *αδελφότης*, букв. ‘без хозяина’]. Второй тип не способен создавать интертекстуальные связи, поэтому прав М. Риффатер, подчеркивая, что «интертекст есть корпус текстов, которые читатель может обоснованно соединить с находящимся перед его глазами» [19, с. 626]. С этой точки зрения определение Ю. Кристевой не воспринимается как вполне точное.

Аргументируя мысль об обязательной интертекстуальной подоплеке любого текста, Генрик Маркевич приводит слова римского комедиографа Публия Теренция Афры (195–159 до н. э.): «Nullum est iam dictum est, quod non dictum sit prius» [18, с. 246]. Приведем контекст, из которого извлечены эти слова:

<p>Явились власти. Пьеса начинается. Кричит: «Да это кража! Не поэт, а вор. Обманщик! Нас, однако, не обманет он. У Невия и Плавта есть уж пьеса “Льстец”: Украдены отсюда парасита роль И война хвастливого». Но если есть Ошибка тут, поэт лишь по неведенью Ошибся, а не то чтобы украсть хотел. Судите сами: есть и у Менандра «Льстец», В нем те же лица – льстивый парасит и с ним Хвастливый воин. Спорить не приходится, Оттуда перенес поэт их в «Евнуха», Из греческой комедии; но чтоб он знал, Что это уж в латинских пьесах сделано Другими, отрицает он решительно.</p>	<p>Но если те же роли брать ему нельзя, Так почему же более дозволено На сцене выводить раба бегущего, Матрону честную, гетер бессовестных, Обжору-парасита рядом с воином Хвастливым, или о детях подкинутых Писать, о том, как старика хозяина Обманывает раб, или описывать Любовь и подозрения и ненависть? В конце концов не скажешь ничего ужже, Что не было б другими раньше сказано. И справедливость требует поэтому, Чтоб дело рассмотрели вы старательно И дали снисхождение, если новые Поэты то же делают, что прежние.</p> <p style="text-align: right;"><i>Теренций. Евнух</i></p>
---	--

Известны три источника межтекстовых связей: а) нарочитая отсылка к чужим текстам, реализуемая посредством цитирования, аллюзии, аппликации, травестирования и других фигур интертекста; б) плагиат; в) случайные совпадения в сферах формы и содержания. Первый принадлежит ведению стилистики и риторики, второй – сфере авторского права, третий – сфере структурных, сюжетных и иных стереотипов. В пьесе Теренция речь явно идет о втором и третьем источниках, для текста же как предмета стилистики и риторики значим только первый источник. Поскольку далеко не все тексты содержат стилистически и риторически значимые межтекстовые отсылки, критерий интертекстуальности класть в основу определения текста нельзя.

10. Наличие речевого замысла, или коммуникативной функции, «Тексты возникают в специфических социальных ситуациях и конструируются со специфическими целями» [15, с. 18]. Функциональная классификация текстов как аргументирующих, информирующих и др. вполне возможна, однако замысел, как известно, лежит и в основе реплики.

Как уже было отмечено выше, наборы критериев текстуальности варьируются от автора к автору, здесь наблюдаем существенный разноречивый в подходах и оценках. Думается, что адекватное осмысление текста диктует необходимость выделения среди его признаков: 1) одного системообразующего, обладающего статусом критерия текстуальности («самостоятельность»); 2) ряда характеризующих, которые представляются не критериями текстового статуса речевых событий, а параметрами их подразделения на устные и письменные, завершённые и незавершённые, краткие и пространные, монофразовые и полифразовые, интертекстуально обогащенные и не обладающие интертекстуальным потенциалом, стилистически единые и стилистически рассогласованные, связные и бессвязные, информативные и неинформативные, согласующие содержание с формой и не согласующие и др.

Литература

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
2. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977.
3. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2001. С. 72–81.
4. Москвин В. П. Риторика и теория коммуникации: Виды, стили и тактики речевого общения. Изд. 2. М.: URSS, 2014.
5. Николаева Т. М. Текст // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998.
6. Adam J.-M. Éléments de linguistique textuelle. Liège: Editions Mardaga, 1990.
7. Beaugrande R. Text, discourse, and process. London: Longman, 1980.
8. Beaugrande R., Dressler W. U. Introduction to text linguistics. London: Longman, 1981.
9. Brinker K. Linguistische Textanalyse. – Berlin: Erich Schmidt, 1997.
10. Ducrot O., Todorov Tz. Encyclopedic Dictionary of the Sciences of Language / Transl. C. Porter. Baltimore: John Hopkins Univ. Press, 1979.

11. Dressler W. U., Barbaresi L. M. Morphopragmatics. Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 1994.
12. Halliday M. A. K. Language as social semiotic. London: Edward Arnold, 1978.
13. Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. London: Longman, 1976.
14. Hymes D. Foundations in Sociolinguistics. London: Routledge, 2013.
15. Kress G. Linguistic Processes in Sociocultural Practice. Oxford: Oxford Univ. Press, 1989.
16. Kristeva J. Le texte du roman. Approche sémiologique d'une structure discursive transformationnelle. Éd. 3-ième. The Hague et al.: Mouton, 1979.
17. Kristeva J. Σημειωτική. Recherches pour unesémanalyse. Paris: Seuil, 1969.
18. Markiewicz H. Odmiany intertekstualności // Ruch Literacki. Vol. 29. 1988. № 4–5. –S. 245–263.
19. Riffaterre M. Syllepsis // Critical inquiry. Vol. 6. 1980. № 4. P. 625–638.
20. Searle L. Emerging questions: text and theory in contemporary criticism // Voice, text, hypertext: emerging practices in textual studies. N.Y., 2004. P. 3–21.
21. Van Dijk T. A., Kintsch W. Toward a Model of Text Comprehension and Production // Psychological Review. Vol. 85. 1978. № 5. P. 363–394.
22. Wales K. A dictionary of stylistics. Ed. 2. Edinburgh: Pearson Education, 2001.
23. Webster N. An american dictionary of the English language. N. Y. : Converse, 1830.
24. Widdowson H. G. Text, context, and pretext. Oxford: Blackwell, 2004.
25. Van Dijk T. A. Macrostructures: an interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction, and cognition. New Jersey: Lawrence Erlbaum, 1980.

Intertextuality and the criteria of textuality

There is critically analyzed the system of criteria of textuality, considered the relation of the category of intertextuality to this system, specified the notion of a text.

Key words: *text, speech act, criteria of textuality, intertextuality.*